

САТИРА III.

S A T I R A III.

- Omnibus hoc vitium est cantoribus, inter amicos
Ut nunquam inducant animum cantare rogati;
Iniussi nunquam desistant. Sardus habebat
Ille Tigellius hoc. Caesar, qui cogere posset,
5 Si peteret per amicitiam patris atque suam, non
Quidquam proficeret; si collibuisset, ab ovo
Usque ad mala citaret: «lo Bacche!» modo summa
Voce, modo hac, resonat quae chordis quattuor ima.
Nil aequale homini fuit illi: saepe velut qui
10 Currebat fugiens hostem; persaepe velut qui
Iunonis sacra ferret: habebat saepe ducentos,

Saepe decem servos; modo reges atque tetrarchas,
Omnia magna loquens; modo: «Sit mihi mensa
tripēs et

- «Concha salis puri et toga, quae defendere frigus,
15 «Quamvis crassa, queat!» Decies centena dedisses
Huic parco paucis contento; quinque diebus
Nil erat in oculis. Noctes vigilabat ad ipsum
Mane; diem totum stertebat: nil fuit unquam
Sic impar sibi.

Nunc aliquis dicat mihi: «Quid tu?

- 20 «Nullane habes vitia?» Immo alia, haud fortasse mi-
nora.

Maenius absentem Novium cum carperet: «Heus tu,
Quidam ait, «ignoras te, an ut ignotum dare nobis
«Verba putas?» — «Egomet mi ignosco», Maenius
inquit.

Stultus et improbus hic amor est, dignusque notari.

- 25 Cum tua pervideas oculis male lippus irunctis,
Cur in amicorum vitiis tam cernis acutum,
Quam aut aquila, aut serpens Epidaurius? At tibi
contra

Evenit, inquirant vitia ut tua rursus et illi.
Iracundior est paullo, minus aptus acutis

- 30 Naribus horum hominum; rideri possit eo, quod
Rusticius tonso toga defluit, et male laxus
In pede calceus haeret: at est bonus, ut melior vir
Non alius quisquam, at tibi amicus, at ingenium
ingens

Inculto latet hoc sub corpore. Denique te ipsum
35 Concute, num qua tibi vitiorum inseverit olim
Natura, aut etiam consuetudo mala; namque
Neglectis urenda filix innascitur agris.

Illuc praevertamur, amatorem quod amicae
Turpia decipiunt caecum vitia, aut etiam ipsa haec
40 Delectant, veluti Balbinum polypus Hagnae.

Vellem in amicitia sic erraremus, et isti
Errori nomen virtus posuisset honestum.
At pater ut gnati, sic nos debemus, amici
Si quod sit vitium, non fastidire: strabonem

45 Appellat Paetum pater, et Pullum, male parvus
Si cui filius est, ut abortivus fuit olim
Sisyphus: hunc Varum, distortis cruribus; illum
Balbutit Scaurum, pravis fultum male talis.
Parcius hic vivit: frugi dicatur. Ineptus

50 Et iactantior hic paullo est, concinnus amicis,
Postulat ut, videatur. At est truculentior atque
Plus aequo liber: simplex fortisque habeatur.
Caldior est: acris inter numeretur. Opinor,
Haec res et iungit, iunctos et servat amicos.

55 At nos virtutes ipsas invertimus, atque
Sincerum cupimus vas incrustare. Probus quis
Nobiscum vivit, multum demissus homo; illi
Tardo cognomen Pingui damus. Hic fugit omnis
Insidias, nullique malo latus obdit apertum,

60 Cum genus hoc inter vitae versetur, ubi acris
Invidia, atque vigent ubi crimina: pro bene sano

- Ac non incauto, fictum astutumque vocamus.
Simplicior quis et est,—qualem me saepe libenter
Obtulerim tibi, Maecenas — ut forte legentem
65 Aut tacitum impellat quovis sermone molestus:
«Communi sensu plane caret», inquit. Eheu
Quam temere in nosmet legem sancimus iniquam!
Nam vitiis nemo sine nascitur: optimus ille est,
Qui minimis urgetur. Amicus dulcis, utaequum est,
70 Cum mea compenset vitiis bona, pluribus hisce,
Si modo plura mihi bona sunt, inclinēt. Amari
Si volet hac lege, in trutina ponetur eadem.
Qui, ne tuberibus propriis offendat amicum,
Postulat, ignoscet verrucis illius: aequum est,
75 Peccatis veniam poscentem reddere rursus.
Denique, quatenus excidi penitus vitium irae,
Cetera item nequeunt stultis haerentia: cur non
Ponderibus modulisque suis ratio utitur, ac, res
Ut quaeque est, ita suppliciis delicta coërcet?
80 Si quis eum servum, patinam qui tollere iussus
Semesos piscis tepidumque ligurrierit ius,
In cruce suffigat; Labeone insanior inter
Sanos dicatur? Quanto hoc furiosius atque
Maius peccatum est! paullum deliquit amicus;—
85 Quod nisi concedas, habere insuavis;—acerbus
Odisti et fugis, ut Rusonem d. bitor aeris,
Qui nisi, cum tristes misero venere Calendae,
Mercedem aut nummos unde unde extricat, amaras
Porrecto iugulo historias captivus ut audit.

90 Comminxit lectum potus, mensave catillum
Evandri manibus tritum deiecit; ob hanc rem,
Aut positum ante mea quia pullum in parte catini
Sustulit esuriens, minus hoc iucundus amicus
Sit mihi? Quid faciam, si furtum fecerit, aut si

95 Prodiderit commissa fide, sponsumve negarit?

Quis paria esse fere placuit peccata, laborant,
Cum ventum ad verum est: sensus moresque re-
pugnant,

Atque ipsa utilitas, iusti prope mater et aequi.
Cum prorepserunt primis animalia terris,

100 Mutum et turpe pecus, glandem atque cubilia
propter

Unguibus et pugnis, dein fustibus, atque ita porro
Pugnabant armis, quae post fabricaverat usus,
Donec verba, quibus voces sensusque notarent,
Nominaque invenere: dehinc absistere bello,

105 Oppida coeperunt munire et ponere leges,
Ne quis fur esset, neu latro, neu quis adulter.
Nam fuit ante Helenam cummus teterrima belli
Causa: sed ignotis perierunt mortibus illi,
Quos venerem incertam rapientes more ferarum

110 Viribus editior caedebat, ut in grege taurus.

Iura inventa metu iniusti fateare necesse est,
Tempora si fastosque velis evolvere mundi.
Nec natura potest iusto discernere iniquum,
Dividit ut bona diversis, fugienda petendis:

115 Nec vincet ratio hoc, tantundem ut peccet idemque,

- Qui teneros caulis alieni fregerit horti,
Et qui nocturnus sacra divum legerit. Adsit
Regula, peccatis quae poenas irroget aequas;
Ne scutica dignum horribili sectere flagello.
- 120 Nam, ut ferula caedas meritum maiora subire
Verbera, non vereor; cum dicas esse pares res
Furta latrociniiis, et magnis parva mineris
Falce recisurum simili te, si tibi regnum
Permittant homines. Si dives, qui sapiens est,
- 125 Et sutor bonus et solus formosus et est rex:
Cur optas, quod habes? — «Non nosti, quid pater»,
inquit,
«Chrysippus dicat: Sapiens crepidas sibi nunquam,
«Nec soleas fecit; sutor tamen est sapiens». — Qui? —
«Ut, quamvis tacet Hermogenes, cantor tamen atque
- 130 «Optimus est modulator; ut Alfenus vaser, omni
«Abiecto instrumento artis clausaque taberna,
«Sutor erat: sapiens operis sic optimus omnis
«Est opifex solus; sic rex». — Vellunt tibi barbam
Lascivi pueri, quos tu nisi fuste coërces,
- 135 Urgeris turba circum te stante, miserque
Rumperis et latras, magnorum maxime regum!
Ne longum faciam: dum tu quadrante lavatum
Rex ibis, neque te quisquam stipator, ineptum
Praeter Crispinum, sectabitur; et mihi dulces
- 140 Ignoscent, si quid peccaro stultus, amici:
Inque vicem illorum patiar delicta libenter,
Privatusque magis vivam te rege beatus.

ВВЕДЕНІЕ.

Если справедлива догадка, что Гораций написал третью сатиру около 716 года, следовательно въ то время, когда имя его сдѣлалось уже довольно извѣстнымъ въ Римѣ, какъ сатирами до того написанными, особенно второю, такъ и эподами, которыхъ большая часть, именно всѣ, за исключеніемъ 1, 7, 9, 11, 14, вышли изъ—подъ Горациева пера тогда, когда онъ, возвратившись изъ Греціи, навсегда поселился въ Римъ: то отсюда довольно вѣрно можно объяснить и причину, заставившую его снова приняться за сатирическую поэзію. Первые его произведенія, въ которыхъ онъ смѣло высказывалъ свои мысли и колко смѣялся надъ современниками, произвели кажется не на всѣхъ одинаковое дѣйствіе: однихъ, какъ Мецената, могли привести въ удивленіе смѣлость и дарованіе поэта, другихъ, какъ Гермогена Тигеллія, могли

раздражить колкость и резкость насмѣшки надъ Тигеліемъ Сардинскимъ. Поэтому и слѣдствія были не одинаковы: одни пожелали увидѣть поэта и познакомиться съ нимъ, другіе негодовали на него и упрекали ему излишество насмѣшки. При такихъ обстоятельствахъ Горацію ничего не оставалось дѣлать, какъ написать новую сатиру, которая бы достигала разомъ двухъ цѣлей, именно: ему нужно было скрѣпить тѣснѣе свою новую дружбу съ Меценатомъ и другими почитателями своего таланта, а для того онъ долженъ былъ раскрыть передъ ними свой взглядъ на дружбу и на отношенія друзей; съ другой стороны ему нужно было дать смѣлый отпоръ своимъ врагамъ и новою выходкою заставить ихъ молчать. Такова была мысль, опредѣлившая Горація написать новую сатиру. И въ самомъ дѣлѣ, поразсмотрѣвши внимательно, мы увидимъ, что она распадается на два отдѣла, искусствомъ поэта соединенные въ одно цѣлое: начало и конецъ наполнены насмѣшками и очерками смѣшныхъ и пошлыхъ характеровъ, середина заключаетъ взглядъ на дружбу и мѣру, по какой надобно судить о слабостяхъ друзей.

Начинается сатира ловкимъ изображеніемъ странного и пошлаго характера Сардинскаго Тигелія 1—19, потомъ Горацій, по своему обыкновенію вводитъ посредствующее лице, которое спрашиваетъ его же самого: но развѣ ты не имѣешь слабостей, или быть можетъ думаешь какъ Мэній, который, смѣясь надъ другими, изви-

няли себѣ всѣ слабости 19—25. Примѣръ этого ничтожнаго и презрѣннаго Менія дать поэту поводъ навестъ рѣчь на способъ, по которому должно смотрѣть на недостатки друзей. По мнѣнію его вмѣсто того, чтобы строго судить о другихъ, лучше заглянуть по-глубже въ свою совѣсть и быть снисходительнымъ, когда идетъ дѣло о друзьяхъ; лучше, въ этомъ случаѣ, брать примѣръ съ отцовъ, которые прикрываютъ нѣжными именами тѣлесные недостатки своихъ дѣтей.

25 — 55. Но мы дѣлаемъ напротивъ, продолжаетъ поэтъ: мы не только не извиняемъ недостатковъ, но и самыя добродѣтели обращаемъ въ пороки, забывая то, что никто не родится вполне совершеннымъ, что лучший изъ насъ есть тотъ, у кого меньше слабостей и недостатковъ 55 — 75. Здѣсь воспоминаетъ Гораций о нѣкоторыхъ сторонахъ практической философіи стоиковъ, такъ противоположной во многомъ собственному его убѣжденію, по мнѣнію которыхъ всѣ недостатки и пороки равны между собою. Опровергнуть ихъ Гораций старается, частію указывая на противорѣчія ихъ взгляда, частію ссылаясь на общій смыслъ и на самую пользу общества, которая требуетъ различія между пороками. Дляэтого онъ обращается къ происхожденію обществъ и отсюда равнымъ образомъ выводитъ цѣльность стоическихъ мнѣній 75—120, и заключаетъ свою сатиру насмѣшкою надъ Хризиппомъ и его школою.

Не наше дѣло рѣшать, справедливо ли Гораций смо-

трить на начало обществъ и законовъ; мы должны были указать только на ходъ самой сатиры и на непрерывную связь ея частей. — Что же касается до его философскихъ взглядовъ вообще, то можно замѣтить, что исключительно не держался онъ ни одной школы, какъ Лукрецій, но пользуясь всеми, преимущественно Епикурейцами и Стоиками, онъ составилъ для себя особенный родъ философіи практической, избѣгая преувеличеній всехъ школъ. Да иначе и не могло быть, если Гораций хотѣлъ остаться вѣрнымъ самому себѣ и своимъ заветнымъ идеямъ. — Еще до отъезда въ Грецію, могъ онъ познакомиться съ философскими школами въ Римѣ, именно въ сочиненіяхъ Римскихъ поэтовъ. Такъ Епій могъ дать ему свѣдѣнія о Пифагоровой системѣ, а Лукрецій объ Епикуровой. Стоическую философію сдѣлалъ довольно извѣстною для Римлянъ Катонъ въ своихъ размышленіяхъ. Кромѣ того Цицеронъ своими превосходными сочиненіями облегчалъ доступъ къ разумѣнію всехъ этихъ системъ и въ то же время сообщалъ читателямъ свое предпочтеніе къ Сократической школѣ и къ системѣ Академиковъ. Поэтому Гораций еще въ Римѣ достаточно могъ быть приготовленъ къ тому, чтобы довершить свое образованіе въ Греціи, и именно въ Афинахъ, куда въ то время, какъ въ столицу просвѣщенія, стекались многіе молодые Римляне съ разными цѣлями: одни, чтобы вполне предаться изученію философіи, подъ которою разумѣли математику, астрономію, поз-

наніе земли и человека; другіе, чтобы въ удовольствіяхъ и нѣгѣ прожить извѣстное время, предаться всякаго рода наслажденіямъ, пресытиться жизнію и потомъ возвратиться въ Римъ съ тонкимъ кошелькомъ и пустою головою, но съ лоскомъ образованности и свѣтскости, съ ловкостію языка и рѣчи. Былъ еще третій родъ молодыхъ Римлянъ, которые посѣщали Грецію съ благою цѣлію, но частію увлекаемые примѣрами, частію по неопытности, дѣлили время между наукою и удовольствіями свѣта. Къ этому классу принадлежалъ безсомнѣнія и Горацийъ, который, по своему духу насмѣшливому и саркастическому, пылкому и раздражительному, не могъ вполне подчиниться ни одной системѣ, хотя наиболѣе увлекался философіею Епикурейскою, которая болѣе, чѣмъ прочія системы, оправдывала казалось наклонность его къ чувственнымъ удовольствіямъ. Еще болѣе склоняли его къ этой философіи политическія обстоятельства Рима, паденіе республики и возвышеніе монархіи, потому что Епикурова философія запрещала своимъ послѣдователямъ вмѣшиваться въ политическія дѣла во время смутъ и раздоровъ; вышолнить же это, при тогдaшнемъ состояніи Государства, было гораздо легче, чѣмъ слѣдовать предписаніямъ Стоицизма, ученіе котораго совѣтовало своимъ послѣдователямъ совершенно противоположный образъ дѣйствованія. Однакоже Горацийъ, предаваясь ученію Епикура, неувлекся имъ вполне, но, по самостоятельности своего духа, онъ

переработалъ его для себя по своему уразумѣнію. При многихъ недостаткахъ Горацій имѣлъ сердце чувствительное и признательное, душу великую и благородную, умъ крѣпкій и здравый. Оттого во многихъ мѣстахъ своихъ одъ является онъ горячимъ, стойкомъ и защитникомъ свободы; и даже въ то время, когда пользовался дружбою Августа, онъ всякій разъ, какъ представлялся случай, краснорѣчиво и сильно высказываетъ такія чувства, которыя напоминаютъ лучшія времена республики. Тогда онъ забываетъ свой эпикуреизмъ и воспроизводитъ стоическія правила со всею ихъ силою и героическою твердостью. Ср. *Hor. Od. III, 1. Ep. 1, 10.* особенно *Epist. 1, 16. Od. 17, 9.* ипр. Патриотизмъ его проявляется въ радости, которою наполнялось сердце его каждый разъ, какъ Римскія войска одерживали побѣду надъ чужими народами, и въ предубѣжденіи его противъ всего того, что не было Римскимъ. Во всемъ прочемъ онъ слѣдовалъ Эпикуру, умѣя удержаться въ границахъ благоразумія. Счастія Горацій искалъ въ независимости, и потому старался возобладать надъ собою, умѣрить свои страсти, уступать только тѣмъ, которыя не моглибы возмутить его жизни и доставилибы ему спокойное и тихое наслажденіе. И если не всегда достигаетъ онъ своей цѣли, если увлекается часто прелестями Вакха и Венеры, если уступаетъ иногда раздраженному самолюбію: то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ вполнѣ былъ такимъ Эпи-

курейцомъ, какими обыкли мы представлять себѣ людей сего рода. Онъ умѣлъ обуздать свободу своихъ дѣйствій и своего пера, и не боялся выставить себя мщенію и непріязни людей сильныхъ и могучихъ. Онъ еще больше сдѣлалъ: умѣлъ остаться независимымъ въ своихъ поступкахъ и не подчинился знатнымъ за ихъ благодѣяніе, дружбу и ласки. Онъ былъ умѣренъ въ своихъ желаніяхъ, довольствовался небольшимъ состояніемъ, далекъ былъ честолюбія и корысти, вѣренъ и услужливъ своимъ друзьямъ, признателенъ своимъ благотворителямъ, не бѣгалъ свѣта и однакоже любилъ уединеніе, сочувствовалъ красотамъ природы и искусства, искалъ пріятныхъ ощущеній, открывалъ сердце всемъ наслажденіямъ тихимъ и благороднымъ, любилъ радость безъ угрызеній и удовольствія безъ утомленія. Вообще, слѣдуя лучшей сторонѣ Епикурейскаго ученія, онъ не забывалъ и наставленій Зеноновой школы. Кромѣ того, изучая различныя философскія системы, Гораций ознакомился со всеми возраженіями, которыя онъ противопоставляли другъ другу, и отсюда-то извлекъ онъ ту ловкость, живость и остроуміе своихъ діалоговъ, которыми такъ богаты его сатиры. *Scribendi recte*, говоритъ онъ самъ въ *Ep. ad Pison.* 309, *sapere est principium et fons*. Изучая самаго себя, толкаясь въ обществѣ и наблюдая его, онъ приобрѣлъ тотъ глубокій, основательный и истинный взглядъ на человека вообще, который особенно дѣлаетъ наставительнымъ

чтеніе его сочиненій. Если бы Горацийъ предался вполнѣ стоицизму, то въ немъ, быть можетъ, увидѣли бы мы не болѣе какъ строгаго схоластика, или и сатирика, но похожаго на Персію. Предавшись же вполнѣ Епикурейскому ученію, онъ сдѣлался бы величайшимъ эгоистомъ и сластолюбцемъ. Но Горацийъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ: онъ остался вѣренъ самому себѣ и смотрѣлъ на философію, какъ на знаніе жизни, на изученіе и усовершеніе самого себя, безъ насилуванія своей природы, безъ удаленія изъ общества, безъ странностей, которыми отличались философы его времени. —

ОБЪЯСНЕНІЯ.

1. *Нос* — такой, *talis*, какое значеніе *hic* принимаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда указываетъ или на послѣдующее, или на предъидущее, о которомъ только что говорили. Въ первомъ случаѣ оно переходитъ иногда въ междуметіе и значить *вогъ*, во второмъ, выражая заключеніе, большею частію переводится словомъ *такой*. Ср. Сат. 1, 2, 86. — *Vitium* вообще называется всякій недостатокъ въ физической и нравственной природѣ, врожденный или случайный, произшедшій отъ обстоятельствъ, отъ неосторожности, отъ болѣзни, ипр. Ср. ниже ст. 39. — *Est.* см. Гр. Поп.

479.7. — *Cantoribus*. Cantor вообще называется тотъ, кто поетъ просто или подъ музыку.

2. *Ut rogati nunquam inducant animum cantare.* — *Inducere animum* или *in animum* съ неокончат. прѣшиться на что нибудь. Ср. Sall. Cat. LIV,4. *Caesar in animum iduxerat laborare* etc. Cic. pr. Cluent. 15. Pr. Sulla 30. Liv. II,5,7. II,15,3. *Ita induxisse in animum hostibus potius, quam regibus portas patefacere.*

3. *Sardus*. Сардинцы были на худомъ счету у Римлянъ, такъ что Цицеронъ въ письмахъ ad diverss. VII,24. подъ конецъ говоритъ: *habes Sardos venales, alium alio nequiores*. Въ томъ же письмѣ этого же самаго Тигеллія называетъ *hominem pestilentiorum patria sua*, потому что Сардинія извѣстна была своимъ нездоровымъ климатомъ, оттого-то сюда посылали изъ Рима тѣхъ, отъ которыхъ хотѣли отдѣлаться.

4. *Ille* безъ противоположнаго ему *hic* часто значить извѣстный, славный въ добрую и худую сторону. Ср. Поп. Гр. 684,9. — *Tigellius*. Гермогенъ Тигеллій, родомъ Сардинецъ, славный музыкантъ, превосходный гѣвонецъ, искусный игрокъ на флейтѣ, снискавшій своими талантами благосклонность диктатора Цезаря и Клеопатры, а потомъ и Августа, у котораго принять былъ какъ домашній. Капризный характеръ его мастерски схваченъ и очерченъ Горациемъ въ этой сатирѣ. — *Hoc* т. е. *vitium*. — *Caesar, qui cogere posset, non quidquam proficeret, si pete-*

ret per amicitiam patris atque suam. — *Caesar* т. е. Octavianus, который только въ 727 году отъ П. Р., за 27 д. Р. Х. получилъ имя Августа, потому-то Гораций въ сатирахъ, въ книгъ еподовъ и въ первой книгъ одъ, изъ которыхъ большая часть написана до 727 года, называетъ Августа просто Caesar.

5. *Peteret* и далѣе *proficeret* вм. *petebat* и *proficiebat*, потому-что говорится о дѣйствительныхъ случаяхъ, нѣсколько разъ повторявшихся. Сослагательное наклоненіе совершенно не зависитъ отъ *si*, а поставлено оттого, что сослаг. прощ. несовершеннаго и д. прошедшаго употребляется иногда въ повѣствованіи вмѣсто изъявительнаго тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о многократномъ дѣйствіи. См. Гр. Поп. 595. f. и особенно прим. 30. — *Per amicitiam*. Въ увѣреніяхъ, заклинаніяхъ и пр. ставится предлогъ *per* тамъ, гдѣ мы употребляемъ просто творительный. См. П. Гр. 336. — *Patris* т. е. Юлія Цезаря, который усыновилъ Октавіана. —

6. *Non quidquam* вм. *nihil*. О употребленіи *quidquam* и *ullus* въ отрицат. предложеніяхъ см. Гр. Поп. 164. пр. 3.690, 18. — *Collibuissest* отъ неупотребительныхъ настоящихъ *collibet* или *collibescit*. *Collibuit* читается у Теренція, *collibitum est* у Плавта и Цицерона. Сослагательное по той же причинѣ, какъ и въ предыдущемъ *peteret*. Цезарь, который могъ бы принудить, если просилъ не успѣвалъ; а если угодно было самому Тигеллию, то . . . —

7. *Ab ovo usque ad mala* — отъ начала до конца обѣда. Пословица эта заимствована изъ известнаго Римскаго обычая начинать coenamъ яичами, а оканчивать плодами. Coena у Римлянъ дѣлилась на три части: *gustatio* — *gustus* — *promulsio*, *caput coenae* — *fercula*, *mensae secundae*. *Gustatio* (*gustus*, *promulsio*) собственно приготовленіе къ обѣду, закуска; *caput coenae* (*fercula*) настоящій обѣдъ; *mensae secundae* десертъ. — *Usque* см. I, 1, 97. — *Citaret* объясняютъ схоластики словами *clamitaret*, *recitaret* — громко говорилъ, громко и внятно читалъ. Вообще *citare*, какъ учащательный глаголь отъ *ciere* — *ciere gemitus*, *fletus*, *mugitus*, *verba*, можетъ тоже значить, что *repetere* и заключаетъ въ себѣ понятіе чтенія яснаго и внятнаго. Часто говорится о кликахъ (*praesones*), которые провозглашали что нибудь громко, внятно, во всеуслышаніе. — *Io Bacche* начало всѣмъ тогда известной пѣсни, которую пѣли вѣроятно за столомъ. Здѣсь какъ внимательный отъ *citaret*. Въ словѣ *Bacche* послѣдній слогъ протянуть. — *Modo* — *modo*, то-то, употребляется не только о прошедшемъ времени, но и о настоящемъ и будущемъ, а кромѣ того и о самыхъ предметахъ, которые поочередно являются. Ср. Ter. Eun. IV, 4, 48. *modo ait*, *modo negat*. Liv. XXII, 12, 7. *modo citato agmine e conspectu abibat*, *modo repente occultus ab-sistebat*. Sall. Iug. LX, 4. *Laetos modo*, *modo pavidos animadverteres*. Catull. III, 9. — *Summa voce* т. е. самымъ высокимъ голосомъ, *voce acutissima*.

8. *Modo hac, quae ima resonat quatuor chordis*, т. е. modo hac voce, quae resonat (est) ima ex quatuor chordis. То самымъ высокимъ, то самымъ низкимъ. *Summus* и *imus* суть относительныя понятія высоты и глубины, напротивъ *supremus* и *infimus* означаютъ конецъ вверхъ и внизъ, ниже и выше котораго ничего не бываетъ. Ср. Plaut. Most. II, 1,1. *Iupiter supremus summis opibus*. *Summus* есть самый высшій относительно одного предмета, а съ переменною отношеній можетъ сдѣлаться низкимъ. Тоже и *imus*. Ср. Hor. Sat. II, 3,308. Pat. Vell. II, 2, 3. *Summa imis miscuit*. — *Нас*. Если мѣстоименію *hic* соотвѣствуетъ относительное мѣстоименіе; то *hic* принимаетъ значеніе мѣстоименія *is*. Ср. Sall. Cat. II, 4. *Imperium his artibus retinetur, quibus initio partum est*. Cic. de Legg. I, 9, 27. II, 12, 30. Acad. I, 4, 16. I, 10, 37. II, 22, 70. de off. 1, 2, 6. Sall. Cat. V, 7. *His artibus, quas etc*. Ib. X, 2. XIII, 7. XXII, 3. LI. 8. —

9. *Nil aequale*. *Aequalis*, въ этомъ мѣстѣ, постоянный, никогда неизмѣняющійся, имѣющій одно и то же направленіе. Такъ Тацитъ въ dial. de orr. XXXI. *aequalem orationem* называетъ ту рѣчь, которая имѣетъ всегда ровное, одинаковое теченіе, quae non mox fluens et lenis, mox hiulca et aspera est. — Saepe currebat, velut qui fugiens hostem curreret, saepe (incendebat) velut qui Iunonis sacra ferret. — Отъ недостатковъ, общихъ Тигеллію и музыкантамъ его времени, переходитъ Горацій къ другимъ, ему одному свойственнымъ

недостаткамъ, къ этому непостоянству и измѣнчивости духа, которыми какъ бы щеголялъ Тигеллій.

10. Къ *persaepe* нельзя отнести *currebat*, но или глаголь *incendebat*, или другой какойнибудь, выражающій походку тихую и важную, какая прилична религіознымъ обрядамъ. Горацій хочетъ выразить, что Тигеллій иногда бѣгалъ какъ угорьный, а иногда ходилъ важно и тихо.

11. Здѣсь разумѣются *καυφόροι* — молодые знатныя дѣвщцы въ Афинахъ и друг. городахъ, которыя во время священныхъ церемоній на праздникахъ Панатенейскомъ и друг. носили на головахъ, съ поднятыми вверхъ руками, священныя коробочки. Ср. Cic. in Verr. 6, 5. Подобныя канефоры были при торжествахъ Минервы, Циреры и Бахуса (Hor. Sat. II, 8, 13); упоминается впрочемъ одинъ *καυφόρος* Діаны у Теокрыта 2, 66. — *Sacra* вин. отъ *ferret* сослагат. какъ предположеніе, возможность. — Римляне считали очень важнымъ походку, и въ этомъ отношеніи замѣчательно мѣсто у Цицерона de off. I, 36, 7. *Cavendum est, ne aut tarditatibus utamur in ingressu mollioribus, ut pomparum ferculis similes esse videamur; aut in festinationibus suscipiamus nimias celeritates: quae cum fiunt, anhelitus moventur, vultus mutantur, ora torquentur; ex quibus magna significatio fit, non adesse constantiam.* Особенно достойны вниманія послѣднія слова, какъ выводъ изъ цѣлой мысли. — *Saepe ducentos.* Роскошь у Римлянъ

относительно рабовъ доходила до невѣроятности. Между тѣмъ какъ въ древнія времена довольствовались очень немногими рабами (Ср. Iuv. XI, 145 sqq.), исправлявшими разомъ многія обязанности, въ концѣ республики считалось уже неприличнымъ не имѣть особаго раба для отдѣльныхъ занятій, такъ что Цицеронъ съ упрекомъ говоритъ о Пизоновомъ домѣ, гдѣ *idem coquus, idem atriensis*. Да и самъ Гораций въ сат. 1, 6, 107 sqq. упоминаетъ о преторѣ Трулліѣ, надъ которымъ смѣялись, когда онъ только съ пятью невольниками возвращался въ Римъ изъ Тибуртинской дачи. Плиній въ XXXIII, 10. Н. Н. рассказываетъ, что Caecilius Claudius Isidorus (774 отъ П. Р.) оставилъ по завѣщанію четыре тысячи сто шестьдесятъ рабовъ, не считая тѣхъ, которые погибли въ гражданскую войну. Иногда число рабовъ доходило до того, что большая часть ихъ совершенно не знала своего господина. Ср. Petron. 37, 47. —

12. *Modo* см. выше ст. 7. — *Tetrarchae*. Такъ назывались тѣ, которые, имѣя Царскую власть и достоинство, не пользовались именемъ Царя: именно во первыхъ тѣ, которые владѣли четвертою частию царства, раздѣленнаго на четыре части, какъ Цари Иудейскіе и Фессалійскіе до Филиппа; потомъ тѣ, которые владѣли третьею или и меньшею частию какой нибудь земли. Такъ Галатія, или Галлогреція дѣлилась нѣкогда на три большихъ части, и каждая изъ нихъ на четыре меньшихъ. Слово *tetrarcha* встрѣ-

чается у писателей большею частию вмѣстѣ съ *reges*. Ср. Саллустій Cat. XX, 7. *Semper illis tetrarchae, reges vectigales esse*. Cic. pr. Mil. XXVIII, 76. *Omitto socios, reges, tetrarchas*. Veil. Pat. II, 51, 1. *Regum atque tetrarcharum simulque dynastarum copiis*.

13. *Loquens* управляетъ винительнымъ *reges, tetrarchas, omnia magna*. Собственно *loqui* есть глаголъ средній и не управляетъ винительнымъ: если же случается это, то *loqui aliquam rem* значить или говорить о чемъ нибудь и употребляется какъ сокращеніе вмѣсто *loqui de aliqua re*, или выражаетъ пустую и вздорную болтовню, рѣчь ни къ чему неведущую, какъ и въ этомъ мѣстѣ у Горация, гдѣ *loquens reges, tetrarchas* значить болтая, неся чепуху о царяхъ, тетрархахъ. Вообще надобно замѣтить, что въ основномъ уже понятіи слова *loqui* лежитъ значеніе болтовни, потому что *loqui* означаетъ рѣчь безыскусственную, повседневную, употребляемую для выраженія мыслей, чувствованій и житейскихъ отношеній, легко переходящую въ *loquacitatem* и *garrulitatem*: напротивъ *dicere* говорится о рѣчи искусственной и обдуманной. Ср. Cic. ad Att. 9, 2. *Vix dum epistolam tuam legeram, quum ad me Postumus Curtius venit, nihil nisi classes loquens et exercitus*. Cic. At. XIV, 4. *Horribile est, quae loquantur, quae minitentur*. — Sit см. сат. I, 1, 92. — *Mensa tripes*. Особенный родъ небольшихъ столовъ, кото-

рые назывались также *mensae Delphicae*, или оттого что сходны были съ Делфійскимъ *tripus*, или оттого, что на нихъ ставили подарки, назначенные въ храмъ, или оттого, что они завезены изъ Дельфъ. Формою они были частію круглые, частію четвероугольныя, доска обыкновенно лежала на трехъ изогнутыхъ ножкахъ, нерѣдко сдѣланныхъ на подобіе звѣриныхъ ногъ. *Mensa tripes* прилично человѣку, который доволенъ малымъ и обходится безъ гостей. Отъ *delphicis mensis* отличались *abaci* и *monopodia*, на которыхъ клали что нибудь напоказъ. Ихъ приготовляли большею частію изъ дорогого дерева и съ большимъ искусствомъ. Обыкновенно же изъ мрамора, серебра, бронзы съ полосою по краямъ, чтобы не выпадали вещи, лежавшія на этихъ столикахъ. —

14. *Concha*. Небогатые Римляне, по замѣчанію схолиаста Порфиріона, держали соль въ морской раковинѣ (*concha marina*). — *Salis puri* просто чистой соли въ противоположность нечистой и смѣшанной со всякою дрянью. — *Toga* собственно Римское платье, которое, въ мирное время, носилъ каждый Римлянинъ, какъ скоро хотѣлъ выйти изъ дому приличнымъ образомъ; получила по Варрону названіе отъ *tegere*, потому что была верхнимъ, а въ древности, пока еще не познакомились съ туникою, единственнымъ платьемъ. Тогѣ носили всѣ свободные всякаго званія и возраста. Оттого — то Римляне назывались *togati*, чѣмъ отличались отъ провинціаловъ и всѣхъ

чужестранцовъ. Тога была одеждою мира, оттого-то, при великихъ опасностяхъ, всѣ Римляне скидали тогу и, какъ знакъ войны, надѣвали сагулу, напр. въ войну союзническую. Не римскій гражданинъ не имѣлъ права носить тогу и всякъ, кто лишился гражданства, лишился вмѣстѣ и права носить ее. Въ Римѣ позволялось каждому Римлянину снимать тогу, если того требовали обстоятельства. Такъ напр. въ войну съ Митридатомъ многіе Римляне, жившіе въ Азіи, для избѣжанія преслѣдованій Митридата, скидали тогу и надѣвали *pallium*. Такъ какъ тога покрывала все тѣло и свободное дѣйствіе, да и то не-вполнѣ, оставалось только для одной руки, то ее не употребляли во время работъ. Слѣдовательно тога была одеждою мирнаго Римскаго гражданина, отсюда *togatus* почетное названіе. Римляне, жившіе въ деревняхъ и въ муниципіяхъ, надѣвали ее при торжественныхъ случаяхъ, или когда приходили въ Римъ.—
Матерія, цвѣтъ тоги. Какъ верхнее, такъ и нижнее платье приготавливали сначала изъ шерсти, которую употребляли для тоги даже и въ то время, когда нижнее платье (*tunica*) начали приготавливать изъ другой матеріи. Для тоги употребляли шерсть Апулійскую: лучшею считалась шерсть Тарентинская и Канузійская. Была также въ употребленіи шерсть Милетская и Лаодикейская въ Азіи, которую впрочемъ Плиній считаетъ ниже первой. Уважали также и Лакедемонскую. Позднѣе при Императорахъ часто

замѣняли шерсть шолкомъ (*serica* и *holoserica*). Цвѣтъ тоги былъ бѣлый, вѣроятно естественный цвѣтъ шерсти (*toga alba*), поэтому было необходимо чистить ее отъ времени до времени, чѣмъ занимался *fullo*, который вымывалъ ее въ водѣ, потомъ натиралъ какою-то травою (*herba lanaria*), истреблявшею нечистоту и замѣнявшею мыло, иногда мѣломъ и сѣрою. Кто искалъ должности, тотъ, желая и одеждою обратить на себя вниманіе Римлянъ, надѣвалъ ослабительной бѣлизны тогу, отсюда искатели чиновъ и должностей назывались *candidati*. Впрочемъ, по праздникамъ также, надѣвали Римляне чистую, на бѣло вымытую тогу, поэтому Горацийъ называетъ ихъ *al-bati* (*Serm. II, 2, 60*). Въ траурѣ носили нечистую и запачканную тогу (*pulla*), тоже самое дѣлали и обвиненные въ какомъ нибудь преступленіи. *Toga praetexta*, обложенная пурпуровою полосою, была почетнымъ платьемъ чиновниковъ; впрочемъ ее носили и дѣти, не достигшіе еще совершеннолѣтія. Пурпуровую тогу (*trabea*) носили Императоры. По достоинству матеріи тога могла быть: *toga crassa* грубо сотканная, *toga pinguis* или *hitra* изъ толстой волнистой шерсти, *toga rasa* легкая тога, какую носили мѣломъ, *toga trita* поношенная тога и *toga rexa* еще невытертая, недавно сдѣланная. При Императорахъ перестали носить тогу, однакоже она навсегда осталась парадною одеждою, и ее надѣвали при всѣхъ сколько нибудь важныхъ случаяхъ, такъ

что являться къ высшему лицу не иначе можно было, какъ только въ тогѣ. — *Форма тоги*. Тога вѣроятно въ продолженіи времени подвергалась различнымъ измѣненіямъ касательно широты и богатства складокъ, но способъ надѣванія безсомнѣнія остался одинъ и тотъ же. Діонисій и Квинтиліанъ называютъ ее полукругомъ: только нерѣшено, разумѣютъ ли они подъ этимъ форму самой матеріи, или форму тоги уже надѣтой. Какъ она была длинна и широка рѣшить трудно, тѣмъ болѣе, что объ этомъ ничего почти не говорятъ писатели; знаемъ только, что тога была широкая и узкая, что первая давала большія складки, и гораздо чаще употреблялась въ позднѣйшія времена республики, а вторая не дѣлала широкихъ складокъ и была во всеобщемъ употребленіи въ древнія времена и у простого народа. Столь же трудно объяснить удовлетворительно способъ надѣванія ея, хотя и находится у Квинтиліана XI, 3, 137. описаніе его, но отсюда совершенно невозможно сдѣлать себѣ яснаго представленія объ этомъ, да и самые комментаторы несогласны въ своихъ мнѣніяхъ, такъ что одни изъ нихъ начинаютъ набрасываніе тоги съ праваго плеча, другіе съ лѣваго. Представляемъ здѣсь одинъ образецъ объясненія этого труднаго предмета. По мнѣнію Руперти набрасывали узкую тогу сначала на правую руку, опускали назадъ одинъ конецъ, и всю ширину напередъ, потомъ, покрывая лѣвую руку до кисти, перебрасывали ее на лѣвое

плечо и на спину, стягивали подъ правою рукою и перекидывали чрезъ лѣвое плечо, или длинный конецъ еще разъ перекидывали съ правого на лѣвое плечо и такимъ образомъ составляли *balteum*. Такой способъ набрасыванія тоги подъ правою рукою до лѣвого плеча образовывалъ складки, которые назывались *sinus*. — Вся тога состояла кажется изъ одного куска, покрайней мѣрѣ нигдѣ на статуяхъ незамѣтно швовъ; поддерживали ее на плечахъ, набрасывая одну часть на другую, особенно на лѣвомъ плечѣ. Тога рѣшительно не годилась къ легкому и быстрому движенію, тѣмъ болѣе, что лѣвое плечо совершенно покрывалось ею, и кромѣ того отъ быстрого движенія она легко могла сваливаться съ плечъ. Дѣтская тога прикрѣплялась кажется посредствомъ *bullae*, которую дѣти носили до совершеннолѣтія и потомъ посвящали въ храмъ Ларовъ. Складки наброшенной тоги назывались *ruga*, *tabulata*, *tilia*; чѣмъ больше подобныхъ складокъ, тѣмъ лучше; порядокъ и ладъ ихъ сохраняли посредствомъ вставленныхъ тонкихъ пластинокъ, отсюда *tilia* и *tabulata*. — *Defendere frigus* вм. *prohibere*, которая (тога) можетъ защищать отъ холода. Въ такомъ значеніи *defendo* часто сочиняется съ винит. *defendere quid cui*. Ср. Hor. od. 1, 17, 3. *defendit aestatem capellis*. Virg. Ecl. VII, 47. *solstitium pecori defendite*, и не только у поэтовъ, но и у прозаиковъ. Cic. Cat. major. XV, 53. *et nimios solis defendit ardores*. Tac. Ann.

XIII, 56. *ceteris quoque aliena pericula defendentibus*. См. Поп. Гр. 520. пр. 14.

15. *Quamvis crassa*. *Quamvis* вм. *quantumvis* съ прилагательными и нарѣчіями, которымъ часто при-
дасть значеніе превосходной степени. Такъ напр. Cic.
Tusc. 1, 21. *quamvis copiose* вм. *copiosissime*. Liv.
XXXIV, 19. *quamvis temere*. Cic. de off. 1, 25, 5.
quamvis graviter offendat. Sall. Cat. XXIII, 6. *Si*
eum (consulatum) *quamvis egregius homo adeptus*
foret. — *Queat*. Когда указательныя слова такъ, та-
кой, столь великій (*sic, ita, talis, tantus, is, hujus —*
modi и пр.) предшествуютъ другому относительно-
му мѣстоимѣнію, которое можно объяснить посред-
ствомъ *ut quis, ut cuius, ut cui, ut quem* и пр., то
глаголь при второмъ относительномъ ставится въ со-
слагательномъ. Напр. *Non sumus ii, quibus hoc juvet*,
мы не таковы, чтобы намъ (*quibus*) нравилось, или
мы не такіе люди, которымъ это понравиться можетъ.
Кромъ того даже безъ предыдущаго указательнаго
ставится иногда относительное мѣстоимѣніе съ сосла-
гательнымъ, если указательное можетъ быть подра-
зумѣваемо, какъ въ этомъ мѣстѣ у Горация, гдѣ
можно сдѣлать слѣдующее дополненіе: *et talis (ea,*
ejusmodi) toga, quae frigus defendere queat — и та-
кая тога, которая можетъ защищать отъ холода.
Ср. Гр. Поп. 588. а. особенно аа. — *Decies centena*
t. e. millia sestertium. Римляне считали обыкновенно
деньги сестерціями, и вмѣсто *sestertius* нерѣдко ста-

или nummus, а вместо mille sestertii говорили mille sestertium (sestertiorum). Милліонъ выражали посредствомъ нарѣчія умноженія decies, vicies, tricies etc. такъ что decies centena millia sestertium или просто decies centena, или decies HS, есть милліонъ. Vicies HS два милліона. Tricies HS три милліона. Decies HS составляю слишкомъ 58,000 серебромъ, потому что сестерцій стоилъ на наши деньги 5½ к. сереб.— *Dedisses* см. выше сат. 1,1,45. — *Dedisses centena millia* круглое число вм. огромную сумму денегъ. —

16. *Huic parco* т. е. Tigellio, который въ тринадцатомъ стихѣ считаетъ для себя достаточнымъ одного стола, солонки чистой соли и толстой тоги; разумѣется *huic parco* выражаетъ горькую насмѣшку надъ этою умеренностію, которая въ пять дней (*quinque diebus*) тратитъ decies centena. — *Quinque diebus* См. Поп. Гр. 528. д.

17. *Nihil erat* вм. esset, или fuisset. Замѣчательна особенность Латинскаго языка, вслѣдствіе которой въ условныхъ предложеніяхъ глаголь второго или послѣдующаго члена ставится въ изъявительномъ преход., прошед. и давнoproшедшаго вмѣсто сослагательнаго какъ бы слѣдовало. Впрочемъ Римскіе писатели, особенно ораторы и историки, употребляли подобное изъявительное съ тою цѣлію, чтобы представить, съ большею живостію и какъ бы оконченнымъ, то дѣйствіе, которое находится еще въ мысляхъ. См. Поп. Гр. 561, 5. — *Loculis*. *Loculi* различно объясняются.